

Древняя Греция, Отв. ред. акад. В. В. Струве и Д. П. Каллистов, М., Изд-во АН СССР, 1956, 612 стр., тираж 10 000 экз., цена 32 руб. 15 коп.

Рецензируемое издание отличается от обычного сборника статей расчленением материала по главам или разделам и отсутствием научного аппарата. В то же время история Греции изложена в нем значительно полнее и подробнее, чем в существующих учебных пособиях и популярных работах. Как указывается в предисловии, авторский коллектив и редакторы «ставили перед собой задачу дать широким кругам советской интеллигенции книгу, в которой в популярной форме были бы освещены основные этапы социально-экономической и политической истории древней Греции» (стр. 3).

Книга охватывает историю Греции начиная с III тыс. до н. э. и до Коринфского конгресса, т. е. до 337 г. до н. э. Первые два раздела посвящены эгейской культуре и древнейшим поселениям греков на Балканском полуострове, островах и побережье Малой Азии, включая период дорийского переселения. В следующих трех разделах дается описание гомеровского общества, история и социально-политическая характеристика Спарты, Крита, Фессалии и Беотии в IX — начале V вв. до н. э. и обзор греческой колонизации в VIII—VI вв. до н. э. Шестой раздел посвящен проблеме возникновения Афинского государства. Затем идет краткий очерк экономического развития Греции в VII—VI вв. до н. э. В восьмом — двенадцатом разделах излагается политическая история Греции в первой половине V в. до н. э., дается характеристика афинской рабовладельческой демократии, обзор экономической жизни Греции классического периода и обстоятельный очерк истории Пелопоннесской войны. Тринадцатый раздел представляет собой экскурс в историю греческих полисов Южного, Западного и Северного Причерноморья. В четырнадцатом — шестнадцатом разделах излагается история Греции и Македонии на протяжении двух первых третей IV в. и дается характеристика «младшей тирании» в Греции и Малой Азии. Заканчивается книга очерком истории изобразительного искусства и обзором литературных, эпиграфических, нумизматических и археологических источников. Книга сравнительно обильно иллюстрирована, к ней приложены шесть карт и указатель имен и названий.

Как положительную особенность рецензируемой работы следует отметить большое внимание авторов и редакторов к истории Эгейского мира и древнейшего периода Балканской Греции. В книге приведен интересный археологический материал (стр. 19 сл. и др.), даны сведения о новейших открытиях (включая дешифровку линейного письма В), живо охарактеризовано минойское искусство (стр. 30 сл.), рассмотрен исторически важный вопрос о связях Крита с другими странами (стр. 22). Нельзя не одобрить также попытку выйти за пределы традиционного изложения истории Греции как истории Афин и Спарты: в изложение включены разделы по истории Фессалии, Беотии, Крита, городов Причерноморья.

Приветствуя попытку авторов и редакторов дать материал по разным областям Греции, хочется в то же время указать на большие пробелы в этом отношении. Так, в книге во многих местах упоминается о Коринфе, но нет хотя бы краткого очерка истории этого второго после Афин торгового центра Греции. Разделу о греческой колонизации следовало бы предпослать небольшой обзор тех городов, которые выводили колонии, так как при настоящем порядке изложения читатель раньше и больше узнает о колониях, чем о метрополиях (например, о Милете, Мегарах, Халкиде, Коринфе и др.). Большим пробелом книги является отсутствие очерка по истории Великой Греции, игравшей значительную роль в истории греческого мира.

Отдельные разделы написаны неровно: некоторые очень ярко, хотя и несколько субъективно, например, обширный читающийся с большим интересом раздел «Греция в первой половине IV в. до н. э.»; в нем мы находим основанную на богатом материале, хотя и несколько одностороннюю, характеристику социально-экономического кризиса в период после Пелопоннесской войны и подробное изложение истории греческих государств в первую половину IV в. до н. э.; некоторая односторонность обусловливается тем, что данные источников рассматриваются лишь с точки зрения кризиса и упадка.

тогда как в действительности имеет место и известный прогресс, в частности, в экономической области. Некоторые другие разделы написаны в традиционной манере. Таков, например, раздел «Атика VII—VI вв. до н. э.», в котором слабо показана специфика города-государства, или раздел «Источниковедение», представляющий традиционный обзор источников, наподобие обзоров В. П. Бузескула. Эти обзоры имели в свое время большое значение, но в настоящее время, нам кажется, должны быть поставлены новые задачи и выдвинуты новые точки зрения.

В общем же книга включает обширный исторический материал, и некоторые вопросы (укажем еще, например, на главу «Искусство классической эпохи») в ней изложены с достаточной обстоятельностью. Однако структура книги в целом не может не вызвать ряд замечаний. Прежде всего возникает вопрос об общем понимании развития греческого общества в период, охватываемый изложением. Ведь недостаточно признать это общество рабовладельческим и в двух-трех местах остановиться на вопросе о положении рабов, чтобы дать концепцию его истории: следует тогда показать, в чем состоят основные черты рабства в древней Греции, главные его формы и этапы развития, его связь с другими сторонами исторического процесса, одним словом, попытаться систематически проследить соответствующие отношения. Однако, хотя во введении указывается, что в истории Греции «наиболее ярко воплощен высший этап развития рабовладельческого способа производства» (стр. 3), в самой книге характеристике рабовладения и рабства отведено весьма мало места. Более или менее определенно и подробно о рабстве говорится лишь в разделе «Гомеровская Греция» (две с половиной страницы) и в разделе «К вопросу об экономической жизни Греции классического периода» (четыре страницы). Следовательно, если не считать нескольких кратких упоминаний о рабстве (на стр. 93, 100, 102, 105, 133, 214, 321, 392, 395, 397, 400), из 589 страниц текста только шесть с половиной посвящены рабовладению. При всей скудости сведений о рабстве, этого явно недостаточно. Картина рабовладения в Греции строится в основном на сведениях об Аттике V в. до н. э. Не использованы, например, сведения о рабстве в Беотии, имеющиеся в трудах Гесиода. Очень бегло охарактеризованы отличные от «классического» рабовладения формы рабства (илоты, пенесты и т. п.). Недостаточно полно, и притом неясно, охарактеризовано рабство на Крите. Указывается, например, что там были две категории рабов, но что собой представляла вторая категория, чем она отличалась от кларотов, не разъясняется. Не прослеживается развитие рабовладельческих отношений в Греции в IV в. до н. э. Все это приводит к статичности в изложении проблемы рабства и мало содействует убедительности основного положения о господстве рабовладельческого строя в Греции.

Другой, также общепризнанный момент, характеризующий древнюю Элладу, это — историческое значение такой своеобразной социально-экономической и политической организации, как п о л и с. Перед авторами разделов, относящихся к различным периодам, стояла интересная задача: исходя из того или иного определения полиса и выяснив его существенные черты, показать, как в различной исторической обстановке изменялся полис, в каком направлении шли эти изменения, к чему они привели. К сожалению, нельзя считать, что такую задачу авторы ставили перед собой, еще менее, что они ее разрешили.

В разделе о Крите города упоминаются как нечто уже известное (стр. 100 слл.), хотя в предшествующих разделах о возникновении полиса ничего не говорится. В разделе о Беотии говорится: «Политическая жизнь Беотии характеризуется давним возникновением там союза беотийских полисов, главенствующую роль в котором играли Фивы — самый крупный беотийский город» (стр. 108). Но вовсе не затронут вопрос о том, что представляли эти города и как они возникли. В разделе «Греческая колонизация VIII—VI вв. до н. э.» также нет ни слова о полисе. В разделе «Атика VII—VI вв. до н. э.» указывается лишь на сосредоточение населения преимущественно в самом городе Афинах, хотя утверждать это по отношению к VI в. рискованно, — но вопрос о полисе и здесь не затронут. Конечно, многие черты полиса указываются, например, в характеристике строя рабовладельческой демократии в Афинах (стр. 209 слл.) или в главе «Экономическое развитие Греции классического периода»,

но самая проблема полиса не ставится нигде. В изложении лишь просто упоминаются как нечто уже известное греческие «города-государства» (например, стр. 200). На стр. 268 говорится о том, что стихийные бедствия во время Пелопоннесской войны обострили кризис полисной системы в целом. У читателя естественно может возникнуть вопрос: что это за полисная система? В чем состоял ее кризис? Когда он начался? Найти ответ на эти вопросы в книге не так легко. Определения понятия «полис» в тексте нет. Некоторое представление о сущности кризиса дается лишь в разделе «Греция в первой половине IV в. до н. э.». В книге, рассчитанной на читателя-неспециалиста, по таким сложным проблемным вопросам нельзя ограничиваться беглыми замечаниями.

Для понимания закономерности и своеобразия хода исторического процесса огромное значение имеет изучение экономики того времени. Однако обзор экономической жизни Греции классического периода едва ли можно считать удачным. По существу здесь дается описание экономики Афин. Даже в параграфе «Сельское хозяйство» Афинам посвящены две страницы, а важнейшим земледельческим областям — Беотии, Фессалии, Спарте и Арголиде — по несколько строк. На стр. 261 в категорической форме утверждается, что «в жизни каждого полиса торговля играла важную роль».

Распространение данных о развитии рабовладения, ремесла и торговли, относящихся к Афинам, на все области Греции создает неправильное представление об уровне экономического развития значительной части областей Северной, Средней Греции и Пелопоннеса. Необходимо было бы и здесь, как это сделано в разделе об экономическом развитии Греции в VII—VI вв., подчеркнуть сравнительно резкое различие в экономике отдельных областей.

Вызывает замечания, а иногда и возражения и трактовка вопроса о возникновении и первоначальном развитии государства. Не вполне верно изложен, например, вопрос о возникновении Афинского государства. В оценке политических событий этого времени автор в основном следует за Ф. Энгельсом, но ряд неточных формулировок позволяет, на наш взгляд, сделать неправильные выводы по таким существенным вопросам, как время возникновения Афинского государства или социальный состав афинского гражданства. Так, на стр. 135 автор утверждает: «Конечная победа демоса над аристократией поэтому знаменовала собой становление более прогрессивного строя — классового строя и государства, как аппарата господства нового класса рабовладельцев». Отсюда напрашивается вывод, что до конечной победы, т. е. до реформ Клисфена, в Афинах не было классового общества и государства. Что же тогда было? Родовой строй? Военная демократия?

В следующем абзаце, разъясняя, что нужно понимать под термином «демос», автор пишет: «Демос не был в социальном отношении однородным. Под термином „демос“ следует иметь в виду все свободное, коренное население Аттики, противопоставляемое родовой аристократии. Наряду с беднотой, зависимыми батраками и ремесленниками, в его состав входили и относительно зажиточные крестьяне, сохранившие участки своей земли, и владельцы ремесленных мастерских, и купцы, и судовладельцы» (там же). Прежде всего следовало бы указать, к какому времени относится эта характеристика демоса. А затем для читателя неясно, что это за категория — зависимые батраки и ремесленники. От кого они зависели, какого рода была зависимость?

О том, что автор датирует возникновение Афинского государства временем реформ Клисфена, свидетельствует и заключительная часть главы. Здесь дается следующая итоговая оценка реформ Клисфена: «В Афинах возникло государство» (стр. 154). Период до Клисфена автор называет «догосударственным» (стр. 155). С этими утверждениями нельзя согласиться. Если даже не принимать во внимание указания древних авторов о существовании государства в Афинах до Солона (см., например, *Arist., Polit.*, II, 12, 13, p. 1274 b 15; *Ath. pol.*, II, 6; IV, 5) и о существовании коллегии одиннадцати, ведавшей тюрьмами (*Ath. pol.*, IV, 7), то и тогда трудно будет себе представить, что закабаление сограждан вплоть до продажи в рабство за пределы страны происходило в рамках родовой организации, без наличия власти, противопоставленной широким слоям народа. Ф. Энгельс связывает зарождение Афинского государства с введением конституции, приписываемой Тезею, причем об Афинах VII в. он говорит

уже как о государстве¹. Было бы правильное рассматривать реформы Солона и Клисфена как этапы развития афинского рабовладельческого государства в ходе борьбы с остатками родоплеменной организации. В развитии этого государства важное значение имел период ранней тирании. Между тем, там, где говорится о тирании Писистрата (стр. 146 сл.), излагается история его борьбы за власть, характеризуется его социальная и экономическая политика, но совершенно обойден указанный вопрос о значении тирании в процессе оформления Афинского государства. «Писистрат,— говорится на стр. 150 сл.,— как теперь уже несомненно, не изменил структуры формирующегося Афинского государства». Однако отсутствие перемен в государственных учреждениях еще не означает отсутствия изменений в политической жизни: победа Писистрата над другими «партиями», его социально-политические мероприятия и внешняя политика не могли не оказать глубокого влияния и на развитие государства.

Хочется отметить еще один очень существенный недостаток книги. Основной текст книги был написан еще в конце 30-х — начале 40-х гг. Авторы и редакторы значительно подновили текст, но не везде. Так, третий раздел «Гомеровская Греция» написан в традиционной манере, т. е. вся характеристика хозяйства и общественных отношений этого периода базируется исключительно на материале поэм. Даже при описании сельского хозяйства и ремесла археологический материал не привлекается². В этом отношении соответствующая (XV) глава I тома «Всемирной истории», вышедшая годом раньше рецензируемой работы, дает более интересный и свежий материал.

При характеристике землевладения в Аттике в IV в. автор ссылается на работу Жиро, изданную в 1893 г., не упоминая книги Жардэ или вышедших в последнее время обстоятельных работ Джонса и Финли. В разделе «Источниковедение» обзор археологических раскопок в Греции доведен в основном только до 1940 г.

Изложение конкретного исторического материала также отличается небрежностью и неточностями. Вот некоторые из них. На стр. 23 мимоходом упоминается о создании на Крите «системы мер веса и позднее денежных единиц», однако ни здесь, ни в последующем тексте нигде не говорится, когда на Крите появились деньги и что они собой представляли. Описание социального и политического строя Крита в IX—V вв. (стр. 100—103) изложено очень путано. Неясно, например, соотношение фила и сельской общины; получается, что фила меньше общины. Непонятно, какой орган обладал высшей политической властью на Крите.

В параграфе, посвященном истории Спарты, указывается, что дорийское вторжение в Пелопоннес началось в VIII в. до н. э. (стр. 91), а несколькими строками ниже говорится, что в IX в. до н. э. дорийские завоеватели уже контролировали всю территорию Лаконики.

Едва ли можно согласиться с даваемым в разделе о гомеровском обществе толкованием 542—546 стихов XVIII песни Илиады как свидетельства о существовании общинного землевладения в рассматриваемую эпоху³. Противопоставление землепашцев (*ἀροτῆρες*), гоняющих волов по пашне, и мужа (*ἀνὴρ*), угощающего их вином, скорее говорит в пользу того, что земля, о которой идет речь в данном отрывке, является темносом⁴.

При объяснении причин победы греков над персами указывается, что социально-экономический строй Греции в V в. достиг более высокого уровня, чем строй Персид-

¹ См. Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1953, стр. 113.

² За исключением одного места на стр. 77, где речь идет о том, что упоминания в виде метафор о железе свидетельствуют о достаточно широком применении этого металла.

³ Так же трактуются эти стихи и в «Хрестоматии по истории древнего мира» под ред. В. В. Струве, т. II, стр. 45—46.

⁴ См., например, В. С. Сергеев, История древней Греции, М., 1948, стр. 110—111.

ской державы (стр. 195). Но так как в тексте характеристика социально-экономического строя Персии отсутствует, то это объяснение теряет свой смысл.

На стр. 249 утверждается, что для развития мелкого кустарного ремесла в Греции V в. вообще не было благоприятных условий. Непонятно, как же следует оценивать мелкие эргастерии, которые преобладали в ремесленном производстве Греции того времени (о чем говорится в том же параграфе). Что понимает автор под кустарным ремеслом?

При перечислении функций народного собрания на стр. 221 пропущен остракизм. Не вполне правильно объяснение термина «притания» на стр. 153, не указано, что этот термин — производный, применявшийся для обозначения отрезка времени деятельности пританов каждой филы. Оценка Пелопоннесской войны на стр. 391 как «острой реакции» со стороны остальных государств Греции на «экспансионистские и объединительные тенденции» Афин противоречит общей концепции раздела «Пелопоннесская война», односторонняя и не вполне верная. Пелопоннесская война была результатом столкновения двух группировок рабовладельческих государств и не может рассматриваться только как оборона против экспансии Афин.

Едва ли можно согласиться с утверждением, что Анталкидов мир «в грубой форме подчинения... все же в некоторой степени выводил греческие полисы из их состояния политической замкнутости и изоляции» (стр. 414). Из изложения событий в Греции в том же параграфе этот вывод не вытекает.

Необходимо указать и на исключительно небрежное техническое оформление книги: текст изобилует мелкими редакционными ляпсусами и грубейшими опечатками.

Отмеченные недостатки рецензируемого труда в значительной мере снижают его значение как новейшего научно-популярного изложения истории древней Греции. Конечно, и в настоящем виде книга может принести известную пользу благодаря сравнительно подробному изложению и приведению ряда новых фактов, но все же нельзя не пожалеть о том, что некоторые авторы и редакция не продумали в полной мере тех задач, которые должны стоять перед любой научно-популярной работой.

А. И. Павловская

* * *

Широкие круги советских читателей нуждаются в хорошо составленных научно-популярных книгах по различным отраслям знаний, в частности, по истории античности. Понятно, что научно-популярная работа, помимо научной достоверности и ценности сообщаемых ею сведений, должна удовлетворять еще целому ряду специфических условий, без осуществления которых она не достигает своей цели. К этим условиям относятся доступность и живость изложения, возможно бóльшая простота терминологии, необходимый справочный аппарат, особо тщательное оформление книги и т. п. Поскольку рецензируемая книга ставит своей задачей сравнительно подробное популярное изложение истории древней Греции, представляется важным остановиться именно на указанных сторонах данного издания.

Подавляющее большинство читателей, на которых рассчитана книга, не знакомо сколько-нибудь обстоятельно с древней историей, и то, что вполне понятно для специалистов — историков древнего мира, совершенно неясно для рядового читателя. Здесь речь идет о таких греческих словах, как, например, топонимика (стр. 64, 122) и топонимический (стр. 72, 138), ономастика (стр. 368), торевтика (стр. 368) и торевт (стр. 511), гермокопиды (стр. 567), перипл (стр. 377) и очень многие другие. Некоторые слова фигурируют в тексте сначала без объяснений, и только почти в конце книги выясняется их значение, например, слово аттидограф (стр. 140) можно понять, лишь прочитав об «Аттидах» на стр. 558. Читатель становится втупик, встречая слова — электрон (стр. 43), электровый (стр. 166, 415), электр (стр. 573) и, только добравшись до стр. 587, узнает, что электр — сплав золота с серебром. У читателя получается также путаница из-за разнобоя в транскрипции некоторых слов, например, τὸ τέμενος